

Встречи

Народная артистка СССР

Раиса Стручкова:

БАЛЕТ-МОЯ ЖИЗНЬ

СКОЛЬКО раз мы до боли в ладонях аплодировали Стручковой! Мы устали считать ее вихревые фуэте, забывали, что в балете есть технические трудности, — мы радовались счастью Золушки, восхищались пленительной Китри, переживали нелегкую девичью долю Одетты-Лебедя, разделяли драму пушкинских героинь Марии и Параша и нашей современницы Гаяны... Впрочем, как рассказать о всех образах, созданных Лапури-Стручковой?

Тридцать три сезона выходила Раиса Степановна Стручкова на сцену Большого театра Союза ССР. Она пришла, когда там танцевали Семенова, Уланова, Лепешинская. В те годы мир открывал для себя искусство, получившее имя «Большой балет».

Выше тридцати партий в классических и современных постановках... Только в «Ромео и Джульетте» на сцене своего театра Стручкова выступила шестьдесят раз (а сколько раз на других сценах). Английский критик признал ее «абсолютной Джульеттой».

Размышляя об игре актера, Белинский заметил, что она жива лишь для того, кто ее видел, но не для того, кому о ней рассказывают. Игру нельзя воспроизвести. И потому он бросил фразу: «Сценическое искусство есть искусство неблагодарное». По крайней мере сто одновременно похожих и непохожих Джульетт; тот, кто видел хоть одну из них, сохранит впечатление надолго, может быть, навсегда; а кто не видел?.. И я спрашиваю Раису Степановну:

— Надо ли сохранять балетный спектакль для потомства?

— Хороший — надо, и не только для потомства: для современников тоже, не везде есть балет. Пока поиски идут в жанре кино- и телебалета. Но спектакль, согласитесь, нечто особенное. Представьте, как расхвачивали бы видеокассеты с записями лучших спектаклей! Кстати, вот один из путей создания репертуара нашего видеовидения — для дома, для школы, для клуба.

Раиса Степановна — человек увлекающийся, она мыслит, если так можно сказать, эмоционально. Это помогало ей репетировать роли, искать характеры. И сегодня, работая с ученицами и актерами (она — профессор Московского ГИТИСа и педагог-репетитор Большого театра), Стручкова увлекается: «Руки продолжают песню, руки поют» — показывает она молодой балерине эпизод из «Шопенианы». «Одна рука говорит, другая отвечает» — лучше не скажешь, чтобы объяснить вращение... Ее понимают, ей благодарны, с ней действительно растут, а ведь в ее репетиционном классе — Алла Михальченко, Ирина Пяткина, золотая медалистка недавнего Международного балетного конкурса в Москве Нина Ананишвили...

— Переход в педагоги логичен для мастера, оставившего сцену. Но вы преподавали еще и тогда, когда танцевали. Готовились к «перемене мест»?

— Не совсем так. Накапливался опыт — собственный и, если хотите, подсмотренный. Были же и у меня наставники — первая учительница Елизавета Павловна Гердт, педагог-репетитор Тамара Петровна Никитина; сохранить их принципы,

их науку — больше, чем сохранить спектакль; говорят, режиссер должен умереть в актере, но учитель, по-моему, должен жить в ученике.

— Вы уже рассказывали о Елизавете Павловне Гердт...

— Она была не только талантливой дочерью своего замечательного отца, премьера Мариинского театра Павла Андреевича Гердта, но ученицей и соратницей мастеров, имена которых сегодня, как легенды: Михаил Фокин, Екатерина Вазем, Анна Павлова, Вацлав Нижинский... Ведущая балерина петербургской, а потом петроградской сцены, она являла собой как бы эталон академизма, танцевальной культуры. Те же принципы она исповедовала, став педагогом. Я всегда ощущала ее рядом. Как-то после премьеры «Ромео и Джульетты» получаю от нее нежное письмо: «Нашу эпоху отличает безудержная снешка. Мы ежедневно встречаемся в театре, но нам не удается поговорить и хотя бы мельком поделиться впечатлениями. Вот я и решила послать тебе письмишко...» Теплота — такое качество, которое никак нельзя симулировать, его нужно иметь в себе... Была у меня и другая наставница — педагог-репетитор Тамара Петровна Никитина, с ней я работала в Большом все тридцать три своих сезона. И как же не продолжать их дело!

— Уже пять лет вы главный редактор журнала «Советский балет». Первый главный редактор — вы организовали журнал, создали его лицо...

— Вместе со своими сотрудниками...

— Когда вы были актрисой, критиковали вас. Теперь критикуете вы...

— Артист с первых шагов на сцене привыкает к критике: и педагоги-репетиторы, и товарищи, даже после лестных отзывов в прессе, находят в твоём исполнении множество недостатков... Я поняла еще тогда: критика должна, исходя из законов и возможностей искусства танца, служить его совершенствованию. Быть правдой. Быть доброжелательной. Ведь наше искусство, кроме артистичности, музыкальности, техничности, требует огромных каждодневных нервных и физических затрат. Это труд, как всякий другой, плюс особые способности.

— Вы член президиума Советского комитета защиты мира. Перечисление ваших общественных должностей составило бы длинный список. Жизнь среди людей, в ритме времени для вас, судя по всему, — норма...

— С детских лет я воспитана в сознании того, что советский артист не может замыкаться в кругу лишь профессиональных интересов. Действительность требует от нас гражданской активности. Что это значит сегодня? Активно помогать партии в том, что она начала и так упорно проводит в жизнь. И всем, чем можем, как можем, — бороться за мир. Я ощутила жестокость войны тогда, в сорок первом: в наш дом попала бомба, бабушка от контузии потеряла зрение, к счастью, на время. Нас, сто пятьдесят воспитанников хореографического училища, вывели в волжский городок Васильсурск. Мы выступали в госпиталях, раненые видели в нас не артистов — своих детей, таких же, каких оставили дома. Они глядели на наши сшитые из марли пакки, и трудно было понять, отчего у них

влажные глаза: от концерта или отцовской боли. Однажды, танцуя на отгороженной кроватями площадке больницы палаты, после верхней поддержки я оступилась ногой не на пол, а буквально на колени сидящего рядом солдата. «Ничего, не стесняйтесь, ребята. В тесноте, да не в обиде», — помню его голос... На Пражском фестивале молодежи в 1947 году я впервые почувствовала себя не просто балериной прославленного Большого, — я была представительницей своей страны, избавившей мир от фашизма. И это чувство во мне не угасает.

— Наверное, вам не раз задавали вопрос: куда идет мировой балет?

— Давайте разберемся сначала в своем доме. По-моему, единственно плодотворная формула развития нашего искусства — классика и еще раз классика. Классический танец чутко реагирует на все, что происходит в театральной хореографии, в смежных сферах искусства, в спорте... Но я вслед за известным советским педагогом Николаем Ивановичем Тарасовым считаю, что его первооснова, то есть система воспитания человеческого тела, должна оставаться неизменной, так же, как музыкальный звукоряд. Есть и другая сторона — отношение к балетному наследию. Не осваивая, не постигая шедевры классического репертуара, современный балет может утратить профессиональное мастерство, исполнительскую культуру; кстати, репертуар этот постоянно расширяется за счет новых и часто отличных балетов.

— В заключение: что подсказывает вам опыт председателя и члена оргкомитетов, жюри различных балетных конкурсов?

— С нашими артистами успешно состязались на недавнем московском конкурсе, например, представители не только признанных балетных стран, но и совсем молодых хореографических школ Аргентины, Китая, Японии. Что ж, неудивительно: советские мастера сейчас передают свой опыт во многих странах, к тому же за рубежом немало специалистов, получивших образование в СССР. И чтобы сохранить бесспорный приоритет советского балета, следует изрядно потрудиться.

...Богатая, насыщенная жизнь. Только что Стручкова вернулась из поездки в Китай. Ее ждали друзья, сослуживцы — поздравить с днем рождения...

«Известия» к ним присоединяются.

Г. МЕЛИКЯНЦ.